

«...дети плакали, спотыкались, падали, и вы знаете, никто не плакал громко. Вот по улице плыл тихий плач, тихий плач, вот это мне запомнилось на всю жизнь».

ІННА МЕЛЬНИЦЬКА (ГАВРИЛЬЧЕНКО)

Інна Володимирівна Мельницька (Гаврильченко), урожд. Оскнер – відома харківська письменниця, мовознавець, перекладачка, народилася 18 червня 1925 року в Харкові у родині відомого педагога Володимира Окснера. Під час німецької окупації Харкова перебувала у місті, звідки поїхала у березні 1943 року. Повернулася до Харкова у 1945 році і все життя провела у рідному місті. Довгий час працювала на факультеті іноземних мов Харківського університету.

Докладну біографію пані Мельницької можна читати [тут](#)
Про творчий і перекладацький доробок пані Мельницької – [тут](#)

За цим посиланням знаходиться книга І. Мельницької [«Український ешелон»](#).

Після виходу на пенсію пані Мельницька багато писала і давала інтерв'ю. Цю усну історію було записано в рамках проекту «Голоси» Міжнародного Центру Голокосту «Бабин Яр» (Київ) 17 серпня 2020 року, це було останнє інтерв'ю пані Інни. Інтерв'юєрка – Євгенія Шишкіна.

Уривки з інтерв'ю

- Добрый день. Сегодня 17 августа 2020 года. Меня зовут Шишкіна Евгения. Представьтесь, пожалуйста

- Мне трудно представиться, потому что у меня куча имен. В литературе я Инна Мельницкая. В паспорте я Инна Владимировна Гаврильченко. В свидетельстве о рождении Инна Владимировна Оскнер. Вот так. Ну, по образованию я окончила Институт иностранных языков, харьковский

- Когда и где вы родились?

- Я родилась в Харькове. Я родилась в прошлом столетии и едва ли есть, еще в Харькове мои... нет, есть несколько моих ровесников, но, в общем, я динозавр. Я родилась 18 июня (18 июня, кстати, умер Горький) 18 июня 1925-го года.

[...]

В день, когда объявили войну, папа должен был ехать в Москву, потому что его там, Витвер, который выпускал учебники по географии, приглашал его выпускать учебник по экономгеографии. И папа купил чемодан, потому что у нас чемодана пристойного не было. Он купил чемоданчик, паршивенький, ну не картонный, фанерный что ли, и к нему надо было чехол. И папа должен был 23-го ехать в Москву. И я гладила этот чехол, когда приходит ваша тезка Женька Лебеденская, подружка моя из параллельного класса и говорит: «Ты радио слышала?». Говорю, нет, у меня включен утюг, я говорю, глажу. «Она гладит! Война началась!». У меня ж это, один был выключатель.

[...]

Ну, в общем, оттуда шли поезда, оставалась одна ветвь – на Купянск. Вот оттуда шли поезда на Купянск. И вот мы пошли туда. И мы там проторчали целый день. Толпа была такая, что ну, толпа огромная пред вокзальная до путей, до самых путей. И люди шли, проталкивались туда, что ты не человеко-единица, а ты часть этой толпы. Тебя толкало, тебя носило. Там я видела, впервые в жизни, и в последний раз в жизни тоже, как человек взмахнул над толпой и пошел по головам. Можете себе такое представить? Он в этих, кирзачах, ступал, (как он удерживался?) оступался (голова ж круглые), он оступался на плечи, но шел по головам! В конце - концов, он упал, упал впереди. Но он прошел впереди нас, но упал. Как он упал, встал ли – я не видела. Но мне до сих пор снилось: кирзачи идущие по головам. Можете себе представить? Кирзачи ступают, голова круглая, нога соскальзывает на плечо. Ну, и мы там, ты сам не двигался. Тебя толпа несла. Когда толпа нас поднесла к путям, составы шли разные. Один вагон – дачный, другой вагон – товарный, сбору по сосенке составы были. И я помню такую картину дикую, что значит, был старый вагон, где, эти, окна опускались. Понимаете (наверно, дачный или что) ну, в общем, некоторые окна так, некоторые поднимались. Некоторые опускались. И вот, какая-то впереди нас, женщина с маленьким ребенком к окну такому кинулась с ребенком и сует его в это опущенное окно. И говорит: «Хоть его возьмите!» Пробриться в вагоны нельзя было. Некоторые цеплялись на буфера, понимаете. Некоторые выбирались на крыши, вот. А она, не будучи в состоянии влезть на крышу или ехать на буфере, она совала ребенка: «Хоть его возьмите!» Не зная кому! Понимаете, ну просто ребенка заберите. Потому что Харьков уже бомбили, мы дежурили по ночам.

Были предатели, которые сигналили бомбардировщикам, и такое было. Мальчишки патрулировали, мы дежурили на крышах, ловили, эти, зажигалки. На крышах дежурили с рукавицами, на большинстве крыш стояли бочки с водой. И вот рукавицей ловишь «зажигалку», у нее хвост. Вы видели когда-нибудь «зажигалку»? Нет? Она хвостатая. За хвост - и в бочку с водой. И мы дежурили, назначали дежурство одним у ворот, другим на крыше. Вот так вот. И вот так мы дежурили. А мелкоту, ну, грамотных, которым доверяли, мы иногда дежурили в райкоме, у телефона, что, как. Ну, вот так. Вот у меня есть рассказ «Ночной дебют» о Борисе Топоровском. Вот, как он пришел на дежурство. Все что я пишу – это все что было.

- А помните, как немцы зашли в город?

- Как немцы вошли в город? Ну, вот как вы себе представляете, как город должен был встретить оккупантов? Первое, что я помню, не когда они вошли, а когда наши начали отступать. Об этом у меня тоже есть... на Юрьевской, там, где на остановке трамвайной была клумба, круглая, потом скверик небольшой. Вот здесь улица Примеровская, вот. Вот так Юрьевская, вот так Примеровская, вот так проспект, вот здесь трамвайная линия. Вот здесь небольшой скверик. В скверике была круглая клумба. Вот. А тут, с этой стороны, если с города идти был маленький магазинчик, который назывался, не важно, как он назывался. И я туда, в этот магазинчик пошла за чем-то, за крупной какой-то, не знаю зачем. И смотрю – странная вещь. А клумба была «пирогом», круглая. Я смотрю, вот эта круглая «головка» клумбы срезана и ей подставлена деревянная подкладка. И там какие-то солдаты копаются. Ну и пацаны там, конечно, что-то, им же интересно, что там такое делается, непонятно. Почему срезали «голову» клумбе и подняли ее на какой-то деревянной подкладке. Доске. Ну, а я перехожу дорогу, на ту сторону в магазин и слышу, как один пацан спрашивает солдата: «А что вы делаете, дядя? Что тут будет?». Он говорит: «Пулеметное гнездо». «Как? А что вы, дядя будете

делать? – А мы прикрываем отступление». Это было первый раз, когда я поняла... И он говорит, вон смотрите – по проспекту, туда к заводам шла пехота. Вон, говорит, мы их прикрываем. А тогда один пацан говорит: «Дядя, так вы – герои!».

Один из этих вот, которые вот это мастерили, посмотрел на него и сказал: «Пацан, иди домой. Мы не герои. Мы - штрафники». Как штрафники? Что такое? Некоторых штрафников выпускали из тюрьмы и забирали в армию. Вот это были штрафники. И были штрафные батальоны. И был харьковский писатель - Самойлов, у него очень хорошая книжка есть о штрафном батальоне. Но его уже нету. Он умер. Ну, вот. И, значит, а пацан спрашивает, что такое штрафник? А другой. Из этих солдат, говорит, это такой вот дядя чужое займы и забыл или не захотел отдать. Нет, этого он не сказал, это потом. А я, значит, там папа ждет, там папу кормить, и я возвращаюсь домой, вернулась, там что-то сварила, тишина и потом значит, шум какой-то и я выскочила, а у нас был выход, черный ход, не парадное, а через двор. И к воротам. Я смотрю, мимо наших ворот идут какие-то военные, в какой-то чужой форме, неизвестной. И тащат окровавленного солдата. Этот солдат увидел меня, а я.. ну, ворота. Но я не вышла за ворота, а с этой стороны. Около калитки, с черного хода к воротам подошла. Между 6-м и 8-м номером Юрьевской. Вот. И этот окровавленный дядька, он, оказывается один из тех солдат, что был там. И как увидел меня, крикнул: «Курносая! Запомни, как штрафники выплачивали долг!» Вот это я на всю жизнь запомнила. Его сбили с ног и поволокли дальше. Ну и что, и я вернулась домой. Ну и что?

Стоит кучка людей, и мы их туда с Лютькой, послушать, что там. Слышим, что говорят: «Говорит штаб обороны города Харькова! Товарищи, мы открываем, в течение ближайших часов будут открыты все продуктовые склады и пакгаузы. Запасайтесь водой и пищей на 6 дней!» Вот почему мы удивились, почему на шесть, почему не на неделю, не на пять? Вот именно, наверное, поэтому я это запомнила на всю жизнь. Почему-то сказали на 6 дней. Может быть, планировали отбить город? Наверно.

Но вот я помню, что открылось все, и началась время, которое называлось грабировка. То есть люди тащили все. На Юрьевской, в конце Юрьевской, на Рыжовской, там макаронка была. С макаронки тащили муку и макароны, ящики с макаронами, муку. С «Кофока» - кондитерская фабрика на Благовещенском, около Благовещенского базара сосед наш притащил: во-первых, мешок сахара и, наверное, мешок прохудился, потому что сзади было как снежок, это песок сахарный. А сосед Коля, дядя Коля, он был пьян и расстроен очень. Почему? Потому что там, оказывается, вскрыли склады «Кофока», а там были такие емкости, бассейны, там же выпускались... Харьков был знаменит своей кондитерской. Это были вишни там, в кагоре, коньяке были емкости спирта и там несколько человек утопили пьяные. Утонули пьяные. У кого были какие - то емкости, тарелки, тьфу, тарелки ведра там бидоны, а у дяди Коли не было тары, и он только сахар тащил.

И был пьян, он там напился, но очень огорчился, что у нас тут такой проходной этот такой, ну к нашему вход был черный. Дядя Коля шел пьяный и очень огорчился, что не было тары, чтобы. Вот так, вот так начиналось это. И почему в первую очередь погибала интеллигенция от голода? Потому что естественно, папа мой не пошел. Ни на какой продуктовый склад. Вы знаете, что Бекетов умер от голода, академик Бекетов, прославившийся на всю Европу архитектор. Он умер от голода в конце ноября сорок первого года. Папа умер уже первого мая 42-го. Академик Бекетов умер от голода раньше. Почему? Потому что интеллигенции было, как – то... Не свое - идти и брать? Мы ничего не взяли, но под нами, на первом этаже (мы на втором этаже жили) под нами жила семья Гладковых. Они притащили 8 мешков муки и макарон, там ящики или что – то. А они были, на первом этаже и в их квартире был подвал. Погреб или подвал. И они не успели все туда запихнуть, когда появился в нашем проходе немецкий солдат и

Гладков кинулся ему навстречу и ему, значит (они ж не успели). А мы на втором этаже, причем у нас изогнутый коридор и мы в другом конце коридора. И он этому солдату говорит: «Там партизан! Пах-пах!»

И он, а я была одна дома, потому что папа был там у его друга, друг мобилизован был. Родители болели, и папа пошел туда к старикам, был. И я была одна и вдруг я слышу, что за дверью голос: «Тут! Вот тут!» И колотят в дверь, колотят, колотят, потом стали колотить сапогами. Я уже испугалась, ведь сломают, это уже осень. Как потом жить без двери. Я открываю, Гладков привел к нам, и сказал, что вот тут партизан, пах-пах! Влетает немец и кричит: «Ваффен! Ваффен!» Я тогда еще не знала, что это значит «оружие». И он стал искать у нас «ваффен». «Ваффена» именно он нас не нашел. У нас были, зато книги уникальные, совершенно, но он схватил этот наш новенький чемоданчик, который папа купил, чтобы ехать 23-го в Москву, и я помню, как сейчас помню, что из – за левого этого он воротника шинели, шинели или куртки, ну что - то верхнее. Он вытащил детские валеночки фетровые оранжевые, маленькие такие, вроде грудничка, знаете, такие. И эти валеночки положил в наш чемодан. И еще он схватил на папином шкафу книжном, лежали перчатки, которые я выклянчила у тетки своей. У моей тетки были очень красивые, в моем понимании, перчатки. Тогда были модными высокие перчатки с вышивкой. Чёрные перчатки были у тетки моей с вышивкой, но пальцы были уже драные и...Тетя Женя, ваша тезка: «Зачем они тебе?». Я говорю: «Я заштопаю». И она мне отдала эти свои драные, и я их заштопала. И немец их украл. Схватил, на шкафу они лежали вот так, но он не видел, что они штопанные. Здесь, что и тоже, я помню, эти штопанные тети Женины перчатки и вот эти детские валеночки ярко оранжевые фетровые и с левой отсюда полы он вытащил, сунул туда и ушел. Больше никакого у нас оружия не нашлось. Это как для меня началась война.

Так вот, что у нас в школе была ну, классом старше меня, была девочка, очень славная Софка Перман. Она, у нее отец, девочка, семья была не богатая, потому что Софка, я помню Софку в клетчатом платице и «лапки» на рукавах. У нее мать была не то санитаркой, не то что - то такое, какой - то младший медицинский состав. Отец, папа пошел в армию, был на фронте, и в первые дни войны пришла на него похоронка, а мы... жили они втроем, оставались, Софка, мама ее и бабушка. И когда пришла похоронка, бабушку схватил инсульт, ее парализовало. А тут, когда пошли вот эти, вот приказ евреям, всем евреям выходить на эти бараки Станкоостроя, было сказано, что им было объявлено, что их отправят на работы куда – то. Они не знали, что их расстреливать будут. А что делать? Бабушка парализована. Софка в 9-м классе была, в 9-м, по-моему. Бабушка и мама: что делать? Транспорта нет, и транспорта не разрешали, даже саночки. Женщины шли в гетто, везли, но надо было брать теплую одежду, потому что уже осень двигалась и продукты, и ценности. Поэтому, я отлично помню, как шла женщина, очень элегантная и везла большое корыто, знаете, такие были корыта, большие, большие корыта металлические (алюминиевые, по-моему) и на веревке она волокла вещи в этом корыте. А как иначе, в руках не унесешь.

А можете себе представить, если расстояние от центра города до Станкозавода двадцать километров? А с Холодной Горы? А еще скажем, откуда-то? И никакого транспорта. Погибло евреев очень много. По немецкой статистике, нет, не по немецкой статистике, по немецкой статистике, то есть, не евреев. Я не помню, сколько у нас числилось евреев погибших. Но евреи, немцы говорили, по немецкой статистике в Харькове погибло от голода 120 тысяч, но это только документированные, то есть, те, у кого были документы, а если здесь.... Со стариками, с детьми, с грузом больные люди шли двадцать и больше километров. Голодные, слабые. Что делали? Забивались в сарай, забивались в брошенные квартиры, ну, кто как мог. А кто замерзал просто, замерзал, просто, понимаете?

Вот, у меня есть рассказ «Исход». Вот, запишите себе, прочитайте «Исход». Да, у меня есть рассказ «Исход», есть в первой книге, по – моему, а еще книга «Когда не было лета». Есть такая книга. Почему называется книга «Когда не было лета»? Потому что я, поскольку я пишу, я пишу только правду. А память нам может изменять, и я проверяла свою память. Я расспрашивала людей, просто в разговоре, не, не, не так, не так как мы с вами с этим. А просто в разговоре, о чем-то, как-то я мотала на ус, что было. Так понимаете, что интересно! Что никто не рассказывал ни про лето, ни про весну! Почему? Потому что, люди рассказывали о том, что обожгло. Когда замерзали, когда топили любимыми книжками и мебелью. Когда умирали от голода. Вот об этом рассказ.

Это жгло память, а не то, как собирали цветочки или грибы, понимаете? И поэтому, моя книжка, первая, называется «Когда не было лета». Я проверяла свою память по разговорам с другими, по воспоминаниям других и никто не рассказывал про весну, про лето. Вот, так и книжка называется: «Когда не было лета». Так вот, в этой книжке «Когда не было лета» (это первая книжка прозы у меня) так вот там есть рассказ «Хлеб», как нам... но и там, так вот, есть рассказ, так что, о том, как Софку Перман...

Но они, мама ей сказала, что Софочка, но у нас же уважительная причина, это же цивилизованная все-таки страна. Немцы, они же поймут, как мы можем, мы же не можем бросить парализованную и не можем тащить ее парализованную. У нас уважительная причина не пойти на Станкострой. Ну, или кто - то донес, не знаю, как, но я знаю, что Софку повесили на фонарном столбе, на Подольском переулке, а мать не тронули. И три дня Софка висела, а мать сошла с ума. И мать ходила вокруг и говорила: «Софочка, деточка. Нехорошо так. У тебя косички растрепались». А на третий день мать пристрелили. А что было с бабушкой, я не знаю. Про Софку и про мать мне рассказали, но те, кто рассказывали, просто не знали, что бабушка, наверно, сама умерла, а может ее добились. Вот, как было, понимаете?

Вот, у меня рассказ «Исход», прочтете рассказ «Исход». Это о том, как мы, с этой вот, с которой мы учили эти, самые перевязки, как мы видели, как гнали евреев туда, вот. И среди толпы, и понимаете, вот, и дети там были. Вот, так, вот что, что были там и дети, и старики, и молодые, но женщин было больше, конечно, чем мужчин. Мужчин не было почти, только старики, в основном, вот. Но что, дети плакали, спотыкались, падали, вы знаете, никто не плакал громко. Вот по улице плыл тихий плач, тихий плач, вот это, мне запомнилось на всю жизнь. И еще, там, у нас, ну, где - то в районе, где - то в районе Руднева, а там, где-то в том районе, ближе к мосту, там жил знаменитый массажист. Он был слепой, высокий, высокий седой старик, причем волосы густые и такие волнистые, но абсолютно слепой. И его водила всегда девочка, но не еврейка, он еврей. Он был знаменитый, вот. А тут он шел без поводья, он шел с палкой, подняв голову выстукивал. Ну, я не знаю, может у него специально была такая, знаете, бывают палки для стрельбы. Но он упал. И, подождите, как это, было, а нет, вот как было. Мы шли с Людьюкой, мы шли от Юрьевской туда. К центру если там же заводом опускаются до улицы ну, немножко опускается, идет спуск, вот. И значит, они идут туда, а мы шли чуть повыше, Людьяка и я. Мы шли по левой, ну если к центру, то по правой стороне. А здесь, значит, по центру текла река. Вот эта вот река плачущих людей, всяко, а я в детстве боялась слепых, и он был такой величественный такой и вот он шел вот так. Он нес голову вот так. И это было страшно, потому что он шел без поводья. И вот, мы шли, Людьяка шла ближе к проезжей части, а я ближе к домам шла. И меня, с моей стороны, обогнал полицейский в телогрейке. И вот так вот, он наискосок так вот нас обогнал, и я не успел разглядеть, то ли он ногу, ножку подставил, то ли он палку зацепил, я не успела понять. Но он сбил старика. Старик упал. Может он, я не разглядела как, как он его сбил, вот. И Людьяка, она же с этой стороны, ближе, а старик тут, идет туда вниз. Людьяка бросилась к нему помочь и еще там какая - то женщина уже из ряда, из этой толпы евреев кинулась

к этому старику, чтобы ему помочь, а их растолкал, раскидал этот полицей. А Людьку он швырнул за пальто сзади, так что он вырвал рукав. Я помню. И еще. Еще и пригрозил ей. И этого старика подняли, я помню, красивая молодая женщина, или она мне показалась молодой. И вот она его подняла, и молча она его под руку повела...

[...]

Нам объявляют: все население способное передвигаться, обязано выйти такого-то числа к такому - то времени на площадь Дзержинского, вот эту площадь, но она, по - моему, ее тогда еще не переименовали. Может площадь, не помню, как ее, но, в общем, на площадь Дзержинского. И, значит, папа, еще был жив, но пошла я тогда, это еще было до мясокомбината, еще папа был жив, вот. И я прихожу. На площади полно народу, площадь вся забита. Ну, и ясно, потому что неизвестно было, потому что то объявляли, что отменяется комендантский час, и если ты пойдешь, то тебя пристрелят без предупреждения или комендантский час такое - то время, но, в общем, боялись этих срочных объявлений, им надо было следовать, потому что за все одно и то же - расстрел. И народу набилось на площади страшное количество, а потом, я смотрю, там выходит фельджандармерия (полевая жандармерия) и оцепляет всю площадь, всю площадь. Непонятно. И никто не знает, почему, что мы не знаем что. И потом слышим женский крик какой - то. Мы, значит, оглядываемся и смотрим: там, где сейчас наше административное здание с колоннами - там было здание обкома. Оно было такой бетонной архитектуры, не красивой, но очень большой. По всему периметру балкон. И вот, на этот балкон выходят несколько, два или три по - моему немецких офицера и там что-то стоят, разговаривают и потом выходят один за другим полицей, тащит мужика с петлей на шее и вешает. И вешает, и вешает. Один за другим, один за другим. Немцы не пачкали руки, это делали полицей по команде немцев. И вот, вы представляете, вы знаете, здание большое, мордой на весь этот, на всю площадь.

И вот, всё, всё, всё густо - тесно, вот на таком расстоянии, один от другого 100 человек. Все не поместились. Часть потом довели на Сумской, на улице. Но люди кинулись бежать, а все оцеплено. Но мне повезло в чем. Я когда пришла, я пришла на площадь с Иванова и вот тут, где сейчас выход не «Стекляшка», а другой выход в метро. Там, вот эта вот огородочка сада Шевченко и там фельджандармерия стояла не густо как - то и я через эту огородочку (вот такого роста) перелезла и через сад Шевченко удрала. И я осталась жива, а мне потом рассказывали, что повесили там, кажется, 111 человек и что там затоптали, потому что люди бросились бежать, а бежать некуда. Так было, как на Ходынке. Затоптали несколько человек...